

Недалеко от мины Сингуо находился арсенал, на берегу реки, из которого производилась артиллерия и другое огнестрельное оружие.

Здесь люди течут плотно, бараки в ряд, в и из которых постоянно перевозят железные материалы и другие вагоны.

Внутри военной фабрики Нин Ван-мей, Бао Чэнсянь, Мэн Цяофан и другие два татарина упорно трудились.

Их помещали в доменную зону, работая в условиях, когда температура достигала сорока градусов Цельсия для добавления угля в печь.

Среди этой группы предателей Нин Ваньши был самым горячим и не сотрудничал в течение первых нескольких дней, разбивая вещи лопатами для угля на каждом шагу.

Поскольку этот парень был первым, кто добровольно поехал в лагерь Мин и сдался, он чувствовал, что внес большой вклад и не заслужил такого несправедливого обращения!

После истерики с быками, Нинг прикончил меня и сразу же пожалел об этом.

Его избили без инцидентов, даже ноги были сломаны.

Надзиратель здесь терпеливо учит его, что значит иметь злое сердце и правила!

В конце концов, Нин закончил меня честно, не может больше стоять, он может только присесть перед горячей доменной печью, серьезно облизывая в нее уголь.

Никакого оригинального обращения с университетским стипендиатом династии Цин, никакой тонкой работы слуги, его моча и кал разрешаются на месте, делая всю доменную печь вокруг вонючей, даже надзиратели должны избегать этого.

Бао Чэнсянь и Мэн Цяофан и другие были более честными, они все старые люди, которые пережили взлеты и падения, они также пострадали с детства, столкнувшись с таким тяжелым трудом, более или менее приемлемым.

Горный район Сингуо, это будущее место великой славы, известное в последующих поколениях как горный район "Десять тысяч стран", невероятно, сколько великих имен со всего мира приехало сюда, чтобы преобразить его!

В этот момент императорская гвардия подошла с величественным лицом и закричала: "Оракул!".

Большие и маленькие стюарды военной фабрики, а также два предателя-татара, которые работали, сразу же собрались, чтобы услышать императорский указ.

"Немедленно сопроводите предателей к воротам Нанкин Тайпинг для суда, должны прибыть в течение трех дней, без промедления!"

По договоренности с начальником шахты Бао Чэнсянь и другие предатели были снова доставлены в Нанкин, и даже Нин Ванвэй, у которого была сломана нога, был отнят.

На второй день мая, летнее солнце пылало.

Люди вокруг Ворот Тайпингменов в Нанкине были переполнены, и люди из близлежащих

районов пришли посмотреть на суд над предателями.

Бао Ченгсян и другие, носящие таблички с именами предателей, аккуратно встали на колени на публичном судебном процессе, который будет судить Министерство юстиции.

Это было больше похоже на патриотическое воспитание, организованное Чжу Цзы Лоном, чтобы люди своими глазами увидели, каково это - быть предателем.

На конференции, время от времени, некоторые горячие юноши выпрыгивали и указывали на Бао Чэнсяна, задавая вопрос: "Династия страны воспитывает щедрых солдат, так почему же вы поступили неблагодарно и предали страну?".

Бао Ченгсян был безмолвным, молча опустив голову.

Что еще он мог сказать? Любое другое объяснение было бы излишним.

"Умри нераскаившимся псам!"

"Волчье сердце, оскорбительный ублюдок предка!"

Толпа народа сразу же указала на него и прокляла, а люди продолжали плевать на сцену.

Один из стариков, который варил пятнадцать минут, ударил стрелой в лицо Бао Чэнсяна, заставив его похвастаться перед окружающими его молодыми людьми о своем героизме.

Другой простолюдин вышел, указал на Нин Ваня и закричал: "Ты китаец из династии Хань, но ты готов быть вором, пособником и соучастником зла, готов быть маньчжурским татарским лакеем, ты все еще знаешь, какой позор"?

Публичный судебный процесс длился целый час, и сцена была в основном заполнена этим вопросом, люди постоянно выпивали и допрашивали предателей.

Нинг закончил, меня физически пытали, а теперь, страдая от душевных мучений, он вот-вот рухнет, просто хихиканье.

В это время он даже пользуется доменной печью военного завода, где его хотя бы физически пытаются, и не будут толкать и ругать десять тысяч человек.

Когда настроение народа немного стабилизировалось, на площадку общественного суда подошла церемония Министерства ритуалов Цин департамента мандаринов Лан Янву Гу.

Он столкнулся с окружающим народом и закричал: "Изменение имени И называется смертью страны, и доброжелательность и праведность переполнены, а что касается скорости каннибализма зверей, то люди будут есть друг друга, это называется смертью мира"!

"Те, кто защищают страну, ее правители и министры, питающиеся мясом, стремятся к этому; те, кто защищают мир, дешевый и ответственный слух крестьян!"

Гу Янву сказал кучу вещей, и если говорить прямо, то центральной идеей было восемь слов: "Взлеты и падения мира - это ответственность всех людей!"

Он подчеркнул, что, как китайцы, какими бы мы ни были способны, мы должны идти вперед во времена национальной катастрофы!

Быть предателем - позор, а те, кто наносит вред собственному народу ради собственной эгоистичной выгоды, обречены на вечную позорность!

Слова Гу Янву вызывали похвалу у присутствующих, и даже в газетных журналах записывались его слова для публикации в газетах.

После того, как закончился публичный суд, предатели еще не закончили, и сразу же после этого у них остался проект шествия по столице.

Сегодня у этих предателей был насыщенный график, и после парада они все равно должны были пойти в храм верных душ и в китайский храм, чтобы встать на колени и исповедаться в своих злодеяниях и злобных обвинениях.

Многие кузнечные лавочники специально бросились сюда, чтобы лично прикоснуться к глазам предателей и сделать для них чугунную чугунную статую, стоящую на коленях по их подобию.

Некоторые люди с деловой хваткой приказали этим стоящим на коленях статуям арендовать участок земли вокруг китайского алтаря и открыть парк аттракционов для предателей.

С посетителей будет взиматься одна копейка за каждую вертелку, которую они возьмут у статуи предателя, стоящей на коленях, а также будут предоставляться скидки или льготные пакеты в Национальный день, во время фестивалей и по другим поводам.....

В целом, эта группа предателей также считалась движущей силой экономики столицы.

Бао Ченгсян, которого бросили на день, захотел поплакать, и в этот момент он был покрыт мокрой слюной и невыносимо вонял.

Он никогда не мечтал, что миллионы людей в мире возненавидят предателей до такой степени, и что он действительно похож на Цинь Цзюня, на которого тысячу лет плевали его потомки и от которого воняло тысячей лет!

Нин Ван-мэй, Бао Чэнсянь и другие были известными людьми, которые были в учебниках династии Мин, и, естественно, Чжу Цзы Лонг не позволил бы им умереть так легко.

Этих живых предателей нужно было поставить на место и выставить на показ по всей стране.

Чу Цзылонг приказал Министерству по делам обрядов провести тщательную подготовку к ним, и в среднем каждый предатель должен был ежегодно выставляться на парад не менее чем на двадцать мест.

В среднем, каждый предатель должен был каждый год посещать не менее 20 мест. Нин Ван-мэй был самым известным, с 32 парадами в год.

Несмотря на то, что у него были покалечены ноги и он не мог ходить, чиновники в Министерстве Церемонии прекрасно решили эти проблемы, предоставив ему специальную машину.

.....

В конце мая, когда предатели направлялись на общенациональный парад, что-то случилось

на шахте Сингуо в Тайпинфу.

Фулин, который реформировался на железной фабрике в течение месяца, наконец-то не смог больше с этим справиться, и он взорвался!

Со всеми синяками, которые Фортуна получил на своем теле из-за недостатка мастерства, в конце концов, он вдохновил родословную Айзин Джоро и решил дать отпор!

Неважно, как сильно надзиратель избивал его, он был похож на мертвую собаку, отказывающуюся от сотрудничества и ищущую смерти. Иногда он даже борется с надзирателем!

По призыву Фулина некоторые из маньчжурских князей, которые не выдержали пыток, также начали сопротивляться, вызвав небольшой бунт сотен людей.

Инцидент на шахте Сингуо вызвал тревогу у горного гарнизона и был быстро отсочен, но об этом также было сообщено императорскому двору, в конце концов, все это были Чиньские преступники, одобренные императорским пером.

"Не надо!"

Во дворце Цяньцин Чжу Тянь Лонг холодно улыбнулся и дал решение.

Так как Маленький Фулин хотел искать смерти, императору Чжу действительно не нужно было держать его, он оставил его и раньше, но он просто хотел мучить татар, а затем убить их, когда ему надоест играть с ними.

Теперь, когда они хотели уехать пораньше, пошли!

В истории династии Цин армия Цин изначально пришла к власти под знаменем мщения императора Чунчжэня и сказала, что если они найдут королевскую семью Чжу Мин, то станут новым императором.

Однако после того, как они вошли в перевал, они отправились на бушующую охоту и убили клан Мин, даже скрывая народ более шестидесяти лет, Юнван Чжу Цзышао не отпустил, поймал и расстрелял.

Теперь это просто случай одного возмездия за другое!

На третий день шестого месяца Фу Линь и группа князей Цин были доставлены в Нанкин и казнены за воротами Тайпина.

Во время казни пришел императорский указ, оставив Фулина в покое, все остальные были обезглавлены!

Фулин, который уже в шоковом состоянии обмочился, как будто почувствовал облегчение, но не понимал, что вторая половина указа должна была отправить себя на повешение на холме Вива в Пекине!

Фулин испугался и разозлился, и продолжал проклинать, блядь, убить меня, если ты хочешь убить меня, расчлени меня, если ты хочешь расчлени меня, и отправить меня на казнь за тысячи миль отсюда в Пекин!

Разве весь мир, вся история, когда-нибудь видели такую смерть? Это делает человек?

Все были озадачены, не понимая, что имел в виду император. Давай просто убьем ребенка. Зачем все эти неприятности?

Никто не знал, что прошлой ночью императору Тянь Ву приснился сон о старом кривошеем дереве на холме Лонгвити в Пекине.

Как будто старое дерево превратилось в сперму и продолжало жаловаться: "Принц ошибся со мной"!

Если бы не этот сон, Чжу Чичжун чуть не забыл об этом.

В истории, после того как Чунчжэнь повесился, Шунчжи стал правителем Пекина и приказал приковать старое кривошее дерево цепями и назвать его "саранчой греха", чтобы успокоить народ.

Теперь Чунчжэнь не повесился, так что давайте поменяем его на Шунчжи!

Старое дерево с кривой шеей повесит императора за шею, и только император Великого Цинга может ошибаться.....

С метафизической точки зрения, дать состояние Великого Царя Великому Мингу еще на триста лет.....

<http://tl.rulate.ru/book/41393/1090779>